

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

УДК 808.5:821.161.1-1. DOI 10.51762/1FK-2022-27-03-01. ББК Ш33(2Рос=Рус)5-45+Ш7.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.08 (5.9.3)

ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ XVIII СТОЛЕТИЯ

Патроева Н. В.

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>

Лебедев А. А.

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9939-9389>

А н н о т а ц и я. В статье излагаются основные идеи исследовательского проекта, связанного с созданием научных трудов и баз данных, отражающих становление российской риторической традиции. До сих пор литературные нормы русского языка изучались преимущественно либо в отношении синтаксических структур, оторванных от живой практики стихотворчества, либо в плане приемов красноречия, характерных для отдельных литературных школ. Главной целью проекта станет не только фиксация, описание и интерпретация самих приемов усиления выразительности и украшения речи, выяснение основных тенденций в области состава и количественных данных по употреблению тропов и фигур речи поэтами XVIII века, но и анализ теоретических рекомендаций первых российских трактатов по искусству красноречия, базирующихся на богатой традиции античных и новоевропейских риторических руководств, в их соответствии реальной стихотворческой практике российских поэтов. Источниками исследования служат «De arte rhetorica libri X» Ф. Прокоповича, руководства по красноречию М. В. Ломоносова, некоторые другие риторические сочинения XVIII века, а также поэтические произведения Ф. Прокоповича, А. Д. Кантемира, М. В. Ломоносова. Методы, применяемые в ходе проектного исследования и в рамках интерпретации материала данной статьи, позволяют обеспечить тесное взаимодействие собственно лингвистического, лингвопоэтического, лингвостилистического и литературоведческого подходов к анализу художественного текста. В XVIII столетии, в эпоху становления русского национального языка и российской словесности, риторическая культура была на тот момент единственной нормативной основой формирования новых общелитературных правил и жанрово-стилистической системы, а развертывание тропо- и фигурирования в художественной речи совершалось вместе с расширением потенциала лексической и грамматической подсистем языка. Важным результатом проекта должно стать создание базы данных, демонстрирующей особенности «риторических портретов» наиболее известных поэтов и риторов эпохи русского барокко и классицизма – Феофана Прокоповича, Антиоха Кантемира, Михаила Ломоносова, Василия Тредиаковского, Александра Сумарокова.

К л ю ч е в ы е с л о в а: риторические трактаты; поэтические тексты; красноречие; русская поэзия; русские поэты; риторика; риторические традиции; поэтический слог; риторические приемы; тропы; фигуры речи

Б л а г о д а р н о с т и: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991>.

Для цитирования: Патроева, Н. В. Проект создания диахронической риторики XVIII столетия / Н. В. Патроева, А. А. Лебедев. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 9–19. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-01.

A DIACHRONIC DESCRIPTION OF THE RHETORIC OF THE 18TH CENTURY

Natalia V. Patroeva

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>

Aleksandr A. Lebedev

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9939-9389>

Abstract. The article outlines the main ideas of a research project aimed to create scholarly papers and databases reflecting the formation of the Russian rhetorical tradition. Up to now, literary norms of the Russian language have been studied either in relation to syntactic structures severed from the living practice of versification, or in terms of rhetorical techniques typical of individual literary schools. The main goal of the project is not only fixing, describing and interpreting the techniques for enhancing speech embellishment and expressiveness as such and identifying the main trends in the field of composition and quantitative data about the use of tropes and figures of speech by the poets of the 18th century, but also analyzing the theoretical recommendations of the first Russian treatises on the art of eloquence, based on the rich tradition of ancient and modern European rhetorical manuals, in their correspondence with the real poetic practice of the Russian poets. The sources of the study include “De arte Rhetorica. Libri X” by F. Prokopovich, guides to eloquence by M. V. Lomonosov, some other rhetorical works of the 18th century, as well as poetic works by F. Prokopovich, A. D. Kantemir, and M. V. Lomonosov. The methods used in the course of the project research and within the framework of the interpretation of the material of this article make it possible to ensure close interaction between the linguistic, linguopoetical, linguo-stylistic and critical literary approaches to the analysis of a literary text. In the 18th century, in the era of the formation of the Russian national language and Russian literature, rhetorical culture was the only current normative basis for the formation of new general literary rules and the genre-stylistic system, and the process of trope and figure of speech unfolding in artistic text was carried out along with the expansion of the potential of the lexical and the grammatical subsystems of the language. The creation of a database that demonstrates the specific features of “rhetorical portraits” of the most famous poets and rhetoricians of the era of the Russian baroque and classicism – Feofan Prokopovich, Antioch Kantemir, Mikhail Lomonosov, Vasily Trediakovsky, Aleksandr Sumarokov – may become an important result of the project.

Key words: rhetorical treatises; poetic texts; eloquence; Russian poetry; Russian poets; rhetoric; rhetorical traditions; poetic syllable; rhetorical devices; trails; figures of speech

Acknowledgments: The study has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation Grant № 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991>.

For citation: Patroeva, N. V., Lebedev, A. A. (2022). A Diachronic Description of the Rhetoric of the 18th Century. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 3, pp. 9–19. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-01.

Необходимость в риторической «руке», направляющей развитие национального культурного кода в роли нормализующей и дескриптивной «вторичной» (функциональной) грамматики¹, в России формируется на том этапе, когда возникает потребность в усовершенствовании

¹ По этому поводу Р. Лахманн отмечает: «Если рассматривать функцию риторики как часть (общего) коммуникативного кода или как субкод, а именно как ту его часть, которая отвечает за построение коммуникативных ситуаций, определенных эстетической доминантой (поэтический код), то ее статус вторичной грамматики может быть подтвержден, т. к. риторика репрезентирует не первичный код языка, а поэтический... Формулируя правила на основе знания грамматики первичного языка, грамматика *elocutio* как субкод, представляющий код поэтический, принимает на себя роль функциональной прагматики» [Лахманн 2001: 7]. Ср. с мнением Г. С. Кнабе о том, что «риторика сыграла первостепенную роль в становлении литературного языка и отдельных его жанровых разновидностей» [Кнабе 2000: 113].

шенствовании литературного языка, который бы отвечал новым коммуникативным, прагматическим потребностям уже в условиях начавшегося активного формирования светских жанров словесности периода «новой поведенческой парадигмы, прежней по форме, а по сути принципиально секуляризованной» [Николаев 1996: 35]. На Украине и в Москве второй половины XVII – начала XVIII веков теория и практика красноречия развивалась во многом благодаря преподавательской, переводческой, стихотворческой деятельности славных представителей Киево-Могилянской и Славяно-греко-латинской академий. Это развитие можно наблюдать в трудах Николая Спафария, Софрония и Иоанникия Лихудов, Козьмы Грека, Епифания Славинецкого, Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, Кариона Истомина, М. И. Усачева, А. Х. Белобокского, И. Ф. Копиевского, Ф. П. Поликарпова, П. Крайского, Г. Данииловского и других авторов. Среди работ полнотой и оригинальностью особенно выделяются «Риторическая рука» Стефана Яворского и «De arte rhetorica libri X» Феофана Прокоповича. В своем становлении российская риторическая школа, несомненно, опиралась на знания, усвоенные из античных и новоевропейских трактатов – см. об этом и о формировании риторической терминологии в России подробнее, например, в работах [Аннушкин 2003; Лемешев 2014; Маркасова 2002; Маслюк 1983; Пекарская 2017; Сазонова 2006: 113–138; Ушакова 2010]. Однако западные культурные традиции адаптировались авторами первых вполне оригинальных руководств по искусству красноречия в период начавшегося усвоения приемов искусства барокко, а позднее – классицизма к условиям ситуации культурного перелома петровского времени и активного реформирования всех сфер жизни.

Общая картина становления отечественной риторики в ее тесной связи с историей русского литературного языка и российской словесности еще не изучена последовательно и детально. Между тем вплоть до начала XIX столетия поэтика и поэзия столетия были тесно связаны с риторической традицией, и эта история использования риторических приемов писателями эпохи резких языковых изменений, лингвистических и стилистических споров

и реформ во времена петровских преобразований в России требует специального анализа, который способствовал бы прояснению вопроса «о роли риторики в истории литературного языка» [Бухаркин 2017а: 47], далеко еще не осознанной во всей своей сложности, а также о соответствии теоретических рекомендаций, содержащихся в трактатах по красноречию, и реальной поэтической или ораторской практики. По этой причине актуальной и новой представляется задача такого комплексного описания риторической системы в ее тесном взаимодействии с лексическим и синтаксическим строем русского литературного языка XVIII века – с одной стороны – и с формирующейся жанрово-стилистической палитрой – с другой. Это позволило бы проверить и уточнить систему складывавшихся в этот период грамматических, жанрово-стилистических, риторических норм на фоне главных тенденций языковой эволюции. Помимо этого, можно выявить корреляцию и динамику исторически изменчивого соотношения «риторическая теория – поэтическая практика» эпохи на фоне невиданного расцвета научной деятельности и светской литературы, а также создания в России первых оригинальных грамматики и риторик.

Следует отметить, что до сих пор на материале русской поэтической речи не предпринималось попыток исследовать взаимосвязь между риторическими теориями и поэзией соответствующего периода. Поддержанный в 2021 г. Российским научным фондом (РНФ) проект «Поэтический синтаксис русского языка XVIII века в риторическом аспекте» нацелен на максимально полное представление, типологизацию и интерпретацию всего спектра тропов и фигур речи, применяемых главными русскими поэтами эпохи русского барокко и классицизма, и выяснение на этой основе направлений, степени глубины и постоянства взаимодействия риторической теории, изложенной в созданных в России XVIII века трактатах по искусству красноречия, и живой поэтической практики. Выбор стихотворного творчества Ф. Прокоповича, А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова в качестве основной эмпирической базы проекта неслучаен. В эпоху расцвета главных литературно-художественных

методов и стилей искусства между барокко и романтизмом именно поэзия была основной ареной формирования лексических, грамматических и стилистических норм русского литературного языка. Ведущими реформаторами русского языка выступали поэты и – одновременно – теоретики в области филологии – Ф. Прокопович, А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин.

Проведение комплексного исследования роли синтаксической системы русского литературного языка в процессе фигурирования на материале поэтического дискурса (в эпоху, когда реформаторами русского литературного языка были поэты) особенно важно. Это обеспечит современных лингвистов базой данных, посвященной ведущим авторам и стихотворным жанрам эпохи языковых реформ, синтаксически и риторически размеченными текстами и предполагает создание особой ме-

тодики анализа поэтического текста на синтаксическом уровне в аспектах структурном и риторическом.

Анализ планируется проводить в двух магистральных направлениях: выявление, классификация и интерпретация экспрессивного потенциала различных фигур речи, применяемых в поэтическом дискурсе эпохи Кантемира – Сумарокова, а также анализ соответствия этих риторических приемов рекомендациям¹ теоретических руководств по элоквенции, созданных Ф. Прокоповичем², М. В. Ломоносовым³ и другими авторами трактатов по искусству красноречия.

Один из главных теоретико-методологических постулатов проекта состоит в утверждении особой роли риторик, наряду с грамматиками русского языка XVIII века, в описании и регламентации синтаксических норм языка: предложение, в отличие от «словосочинения» (соединения «речений», словосочетания), от-

¹ Сошлемся на трактовку модальности не столько рекомендующего, сколько предписывающего характера для ранних российских риторик у В. М. Живова: «Обнаруживая, например, что „Риторика“ Феофана Прокоповича почти целиком основана на аналогичных трактатах европейского умеренного барокко (Никола Коссена и Юния Мельхиора...), мы естественно хотим поставить ее в тот же ряд, приписав ей тот же характер и те же функции, что и ее европейским образцам. Это сходство, однако, обманчиво. Риторика в Европе регулирует существующую речевую практику, рекомендуя читателю определенным образом сочетать риторическую стратегию с риторическими средствами. Та же риторика в России создает новую практику и поэтому не рекомендует, а предписывает... При пересадке на русскую почву меняется модальность... риторика превращается в устав...» [Живов 2017, т. 2: 928].

² Так, в риторике Ф. Прокоповича находим, согласно установившейся с античных времен традиции включения в руководство обязательного раздела об элоквенции, подробное описание фигур речи (всего около 70, в т. ч. тропов [Прокопович 2020: 235 и след.]). Соотношение логических объемов понятий «фигура» и «троп» при этом иное, чем это будет полвека спустя у М. В. Ломоносова, хотя сам перечень украшающих средств во многом подобен. Этот раздел оказывается одинаково полезен и составителю «слов» или «речей» и поэту. С точки зрения манифестации (способа выражения) Феофан Прокопович разграничивает *фигуры словесные* (метафора, метонимия, синекдоха, антономасия, повтор, полисиндетон и пр.) и *фигуры смысловые* (аллегория, перифраза, олицетворение, гиперболы, эпифонема, апострофа и др.). С точки зрения своего предназначения (функции) разделяются риторические приемы Ф. Прокоповичем уже на три группы: 1) служащие для «поучения», из которых важное место принадлежит «характеризму» [Прокопович 2020: 237], «гипотипозе», участвующим в создании портрета, описания, и «этологии» как «нравоописательной речи» [Прокопович 2020: 245]; 2) способствующие «услаждению» речи [Прокопович 2020: 251–259]: «метатеза» (хиазм), антитеза, «антитетон», «антономасия», «диафора» (вид повтора), «гомэоза» (сравнение), «диализа» (бессоюзие), «гипербат» (инверсия, необычный порядок словорасположения), метафора, метонимия, «оксиморон», паронимасия, перифраза, аллегория, синекдоха и др.; 3) «относящиеся к возбуждению переживаний» [Прокопович 2020: 259–267]: «просодея» (олицетворение), «анадиплоза» (удвоение), «антистрофа» (эпифора), «климакс» (усиление, восходящая градация), гиперболы, «полисиндетон» (многосоюзие), сарказм и пр. Каждая из трех групп обнаруживает тяготение к «сниженному», «среднему» и «возвышенному» стилям, с тем уточнением, что фигуры первой группы встречаются в «цветистом» и «возвышенном» стилях, когда требуется «описывать что-либо» [Прокопович 2020: 268], приемы второй группы не следует исключать из области «низменного» или высокого стиля, а фигуры третьего рода – из «сниженного». Применение риторических приемов, образных средств регламентируется, согласно рекомендациям Ф. Прокоповича, прежде всего стилем и жанром произведения в их соответствии с целями автора, содержанием и композицией текста.

³ В уже гораздо более просторном в сравнении с предшествующими российскими риториками Ломоносовском трактате по красноречию выделяются «тропы речений» (метафора, синекдоха, метонимия, антономасия, катахрестис, металепсис), «тропы предложений» (аллегория, парафразис, эмфазис, гиперболы, ирония), «фигуры речений» (повторение, усугубление, единознаменование, восхождение, наклонение, многосоюзие, бессоюзие, согласование) и «фигуры предложений» (определение, изречение, вопрошение, ответствование, обращение, указание, заимословие, умедление, сообщение, поправление, расположение, присовокупление, уступление, вольность, прохождение, умолчание, сомнение, затытие, напряжение, пренеменение, желание, моление, изображение, возвышение, восклицание, восхищение). См. об эволюции терминологической палитры в [РЛ 2017]. Ср. с первой русской «Риторикой» 1617–1619 гг., приписываемой митрополиту Макарию (подробнее см.: [Вомперский 1988: 10–21]) и противопологающей «словесные» тропы и «тропы речений» («схемы», или фигуры речи, реализуемые в предложении и повествовании).

носились в эту и предшествующую ей эпоху в большей степени к ведению не грамматики, а риторики. По этой причине анализ рекомендаций риторических трактатов российских теоретиков красноречия, наряду с изучением практики применения риторических приемов, фигурированием в русской поэзии кантемировской и ломоносовской эпох, позволяет ярче высветить многие тенденции и процессы, протекавшие в синтаксическом строе русского литературного языка выбранного для изучения периода. Сопоставление риторической теории и практики – ключ к пониманию эволюции грамматической и стилистической системы русского языка.

Методологические принципы описания – это:

1) ориентация на эмпирические данные, извлеченные из поэтических произведений русских поэтов XVIII в., словарей, привлечение сопоставительных данных из грамматик и трактатов по искусству красноречия, а также ранней виршевой поэзии;

2) типологический подход (классификация фигур речи и конструкций, служащих средствами их образования);

3) тесная связь собственно лингвистического анализа риторических приемов с анализом лингвопоэтическим и филологическим, чтобы осуществить интерпретацию фигур речи в аспекте их экспрессивной функции текстообразующей роли, в аспекте взаимосвязи фигурирования с ритмом, мелодикой, строфикой и жанром текста, тесная связь синтаксического и лингвориторического подходов;

4) диалектическое взаимодействие синхронического и диахронического подходов к выявлению находящихся в активном становлении синтаксических, общепоэтических и риторических норм эпохи. Соединение этих методологических подходов позволяет решить проблемы, важные для развития теории и практики лингвопоэтического анализа, среди которых важнейшую роль играет взаимодействие или, наоборот, противоречие между прескриптивными риториками изучаемой эпохи, нередко строившимися по иностранным образцам, и реальной практикой стихосложения, а также взаимовлияние языка поэзии и прозы.

Системность проявляется во времени, в ходе эволюции того или иного феномена, поэтому без применения диахронического анализа системы риторических приемов невозможно осмысление многих важнейших тенденций формирования лексической, морфологической, синтаксической подсистем общелитературного языка и поэтической речи. Синхронный аспект изучения риторической системы должен быть тесно связан с реконструкцией всех предшествующих ее состояний. При этом, как верно указывает Л. В. Балашова, диахронический подход сталкивается, однако, «с двумя основными методическими и методологическими „опасностями“». Первая из них – преувеличение системности языковых процессов и необоснованное перенесение современного взгляда на языковые явления прошлых эпох», возможное соединение при интерпретации явления «разновременных восприятий и толкований мира» [Балашова 2014: 56], несинхронных друг другу «картин мира». Вторая – неумение исследователя заметить противоречивые или асистемные (архаизаторство или, напротив, новаторство в индивидуальном слоге того или иного автора, стремление к чрезвычайному или, наоборот, к минимальному разнообразию спектра и количества приемов выразительности, то есть своеобразные максимализм или минимализм как черты идиостиля, равно не соответствующие магистральному направлению в развитии риторической системы, например) тенденции и слишком «усреднить», упростить интерпретацию эволюционного пути, поскольку предмет в процессе системного его описания неизбежно «не только упрощается, но и доорганизовывается, становится более жестко организованным, чем это имеет место на самом деле» [Лотман 1992: 91].

Проиллюстрируем применение некоторых из указанных методологических принципов в практике анализа тропов и фигур речи, предпринятых проектным коллективом в ходе работы с «Синтаксическим словарем русской поэзии XVIII века»¹ [ССРП1 2017] как одним из источников риторического материала.

В произведениях А. Кантемира, в том числе сатирах, мы находим практически все разно-

¹ Здесь и далее аббревиатура ССРП1 используется для обозначения издания Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: в 4 т. Т. 1: Кантемир, Тредиаковский / под ред. Н. В. Патроевой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 574 с.

видности «тропов речений» и «тропов предложений», «фигур речений» и «фигур предложений» (в более поздних терминах ломоносовского «Краткого руководства к красноречию»), за исключением, пожалуй, только оксюморона, который редок и у других авторов изучаемого периода. Такое разнообразие приемов «украшения» речи¹ (см. табл. 1) свидетельствует о соединении в сатирическом тексте примет разных стилевых сфер, о речевом синкретизме кантемировской сатиры при той ведущей роли, которая принадлежит эллипсису, лексическому повтору, периоду и риторическому вопросу как доминантам поэтического слога.

Поэтический дискурс Кантемира часто столь насыщен риторическими приемами, что на небольшом пространстве текста совмещаются несколько типов тропов и фигур речи, например:

– эллипсис, анафора, лексический повтор, асиндетон:

*Варлам смирен, молчалив; как в палату войдет –
Всем низко поклонится, к всякому подойдет;
В угол свернувшись потом, глаза в землю втупит;
Чуть слышать, что говорит; чуть – как ходит,
ступит [Кантемир 1956: 94];*

– гипербола, метафора, метонимия:

*...десница врачей щедра дала
Покров, под коим бежаща богина
Нашла отраду и уж воссияла
Европе целой луч нового света;
Врачей не умрет имя в вечны лета*

[Кантемир 1956: 202];

– олицетворение, метонимия, риторическое обращение:

*Таковы слыша слова и примеры видя,
Молчи, **уме**, не скучай, в незнатности сидя*

[Кантемир 1956: 61];

– амплификация, сравнение, градация:

*Невередимо пребывает
Все, что мужественно, честно,
Благо, истинно, нелестно;
Яко же вдавися в море
Камениста гора валы,
Возвышающихся горе
С стремлением и немалый
Ужас с собою влекущи,
Сильны ветры, все гнев сущи,*

Ни во что, тверда, вменяет [Кантемир 1956: 213];

– метафора, метонимия, корневой и лексический повтор, риторическое обращение, риторическое восклицание:

*Того вы мужа, что приятна зрите
Лицом, что в сладких словах, клянясь небом,
Дружбу сулит вам, вы, друзья, бегите! –
Яд под мягким хлебом [Кантемир 1956: 198].*

Кантемировская сатира сочетает признаки «сниженного», «цветистого» и «возвышенного» стилей, и это не случайно: разрабатывая жанр сатиры, Кантемир стремился, очевидно, сохранить его исконный синтетизм, синкретизм² в стилистическом, содержательном и формальном отношениях, наследуя традиции, заложенные римскими авторами³ – Горацием, Персием, Ювеналом, продолженные

¹ Страницы с репрезентациями указываются в третьей графе таблицы по изданию [ССРП1 2017] – иногда на одной странице приведены несколько примеров тропов и фигур в графе «Риторические приемы»; представленные в словаре на данных страницах иллюстрации, в свою очередь, даются по [Кантемир 1956]. Данные о риторических приемах, извлеченные из [ССРП1 2017], проверялись автором при анализе стихотворений А. Кантемира в ходе работы над статьей.

В таблице не указаны данные по инверсиям и эпитетам, поскольку эти риторические средства представлены практически во всех характеризуемых в [ССРП1 2017] 828 предложениях, извлеченных из поэзии А. Кантемира. В силу того, что трактовка феномена «период» отличается в разных риторических и стилистических трудах (узкое понимание, например, предполагает выделение в качестве периодических только таких конструкций, которые содержат протазис и аподозис; широкое толкование позволяет отнести к примерам периодической речи все предложения, содержащие однородные ряды, сложные предложения разных типов, иные типы текстовых структур), точные количественные данные о периоде (примеры из [ССРП1 2017: 207, 222, 227, 284, 289, 297, 309, 333, 351, 353, 360, 362, 367, 369, 371, 372, 378 и пр.]) также не приводятся; столь же трудно определить строго границы фиксируемых в словаре эффектов амплификации (примеры из [ССРП1 2017: 226, 258, 271, 341, 343, 345, 346, 377 и пр.]), асиндетона ([ССРП1 2017: 88, 137, 145, 158, 162, 173, 184, 192, 193, 196–198, 200–205 и пр.]) и полисиндетона ([ССРП1 2017: 77, 94, 154, 156, 165, 185, 188, 214, 217, 220, 222, 224, 225, 232, 247, 342, 346 и пр.]), поэтому далее в статье приводятся лишь вполне очевидные случаи. Не включены в таблицу и данные о степени распространенности иронии (как невербально выраженного риторического приема). Фиксация метафор и метонимий касается не узальных, стершихся, а контекстуальных, осязаемых, ярких феноменов – такова установка создателей [ССРП1 2017].

² «Тематическая пестрота и формальное многообразие стихотворной сатиры, ее стилистическая многоцветность» [Дуров 1987: 7–8], необычайная подвижность самих жанровых рамок сатиры, легко входящей в соприкосновение с любыми другими жанрами, отмечаются многими российскими и зарубежными исследователями – см. обзор исследований о сатире в [Дуров 1987: 129–132].

³ О влиянии древнеримской словесности на русскую литературу XVII–XVIII веков см.: [Либуркин 2000; Любжин 2007; Busch 1964].

Таблица 1. Тропы и фигуры речи в стихотворениях А. Кантемира

Троп или фигура речи	КОЛИЧЕСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ СОГЛАСНО ДАННЫМ [ССРП1 2017]	СТРАНИЦЫ С РЕПРЕЗЕНТАЦИЯМИ РИТОРИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ПО [ССРП1 2017]
Эллипсис	217	76, 77, 79, 80, 82, 83, 85, 87–91, 102–104, 106, 107, 108, 109, 110–113, 118, 119, 121, 122, 124, 126, 127, 130, 133, 139, 141, 143, 144, 146–150, 155, 156, 160, 162, 164, 166, 180, 182, 187, 189, 195, 201, 210–213, 215–219, 222, 231–235, 237, 240, 246, 246, 248, 251, 253, 254, 257, 258, 260, 261, 269, 270, 276–283, 288–290, 295, 297, 299–301, 303–306, 308, 309, 311, 315, 316, 318–332, 334, 336, 338, 339, 340, 342, 344, 347–354, 357, 362, 363, 366, 367, 370, 372–378, 380–384
Лексический повтор	158	77, 78, 95, 101, 103, 106, 108, 110, 118, 127, 140, 143, 144, 147, 149, 158, 161–164, 167, 168–170, 172, 177, 178, 181, 183, 185–188, 194, 198, 201–204, 207, 209–211, 212, 214, 216, 217, 221, 222, 227–231, 233, 235–239, 243, 247, 248, 251, 260, 260, 261, 263, 266, 268, 269, 272, 274, 275, 281, 288–294, 296, 298, 301–305, 308, 310, 311, 313, 315, 316, 320–325, 327, 330–332, 338–341, 343, 344, 347–349, 354, 356, 357, 360, 362, 363, 365, 367–370, 373–376, 378, 383, 384
Риторический вопрос	99	76–83, 88, 89, 91, 94, 95, 97–99, 102, 107, 109, 114, 115, 120–122, 124, 129, 133, 136, 142, 144, 145, 155, 158, 163, 168, 180, 183, 192, 219, 221, 231, 233, 234, 244, 272, 283, 284, 302–304, 314, 316, 326, 331, 338, 344, 350, 354, 361, 366, 371, 385
Метафора	77	77–79, 83, 94, 101, 113–115, 129, 133, 146, 182, 220, 232, 236, 248, 250, 258, 260, 268, 282, 309, 314, 321, 322, 326, 332, 333, 335, 358, 359, 379, 385
Метонимия	39	132, 236–238, 241, 249, 254, 321, 333, 336, 379
Сравнение	35	90, 137, 145, 148, 152, 155, 162, 163, 184, 198, 200, 215, 220, 243, 253, 287, 290, 309, 325, 358, 378
Риторическое обращение	34	91, 92, 97–99, 128, 144, 145, 151, 175, 182, 2–3, 204, 270, 305, 323, 339, 349, 354, 365, 383, 385, 386
Риторическое восклицание	30	77, 80–83, 88, 89, 92, 94, 95, 98, 99, 111, 124, 128, 179, 182, 198, 215, 233, 314, 325, 334, 350, 356, 376
Олицетворение	25	106–108, 128, 134, 137, 141, 209, 229, 232, 249, 250, 252, 253, 307, 334, 343, 345, 364, 378
Перифраза	14	126, 127, 138, 179, 183, 248, 256, 293, 318, 322, 363, 377, 378
Антитеза	6	136, 142, 230, 250, 373, 381
Гипербола	5	81, 124, 321, 351, 351
Каламбур	2	85, 382
Градация	1	222
Хиазм	1	376

Н. Буало (о следовании этим литературным образцам сам Кантемир заявил, например, в четвертой сатире «О опасности сатирических сочинений. К музе своей»). Сатира призвана затрагивать важные вопросы общественной и частной жизни человека и быть произведением не только шутливо-ироническим, с «острой приправой фигур» [Прокопович 1961: 424], как «смеющаяся» горацанская сатира, но и наставительным, «трогающим человеческие сердца» [Прокопович 1961: 424] по-ювеналовски пышной риторикой. Кроме того, на ори-

гинальные опыты Кантемира не могли не оказать влияния ораторские произведения и панегирический стиль Петровской эпохи. Для него были характерны сочетания традиции античного искусства красноречия и христианской проповеди – например, «слова» Феофана Прокоповича; ср. с собственным примечанием Кантемира к «одам»: «Основание сей песни взято из Евангелия и из Горация. Чудно, сколь меж собою Спаситель и римский стихотворец согласуются...» [Кантемир 1956: 204] – как яркая особенность русского барокко.

Иные жанры, в которых пробовал свои силы Кантемир, напротив, обнаруживают вполне отчетливое тяготение к жестким жанрово-стилистическим канонам: ода («песнь») – к «возвышенному», послание – к «среднему», басня и эпиграмма – к «сниженному» стилям. Однако и в них мы находим немало примеров стилистического смешения, что доказывает не только близость теоретических рекомендаций Ф. Прокоповича поэтической программе А. Кантемира, но и синкретическое, переходное (в терминах О. М. Буранка – «предклассицистическое» [Буранок 2014: 7–98]), с чертами барокко и классицизма направление творческих поисков обоих авторов (оставлявших простор для стилистической эклектики и стремлений сочетать несочетаемое, сопрягать противоположности).

Анализ использования тропов и фигур речи Кантемиром позволил выявить некоторые «жанровые» тенденции в применении риторических приемов. Так, метонимия более характерна не для сатиры, а послания, нравоучительной или гражданской оды, редка в басне; на этом фоне метафора, свойственная и оде, и посланию, гораздо более распространена в стилистически сниженных сатире, басне и эпиграмме; сравнение зафиксировано в сатире, оде и послании; перифраза, гипербола и хиазм – почти исключительно одические приметы; редкие антитеза, градация, умолчание, ирония и каламбур встречаются в сатире и эпиграмме; риторические восклицания и об-

ращения не активны в баснях и эпиграммах, предпочитая оду, сатиру (очевидно, активность обращений именно к адресату сатиры обусловлена горадианской традицией «беседы» – «sermones»), послание; асиндетон чаще полисиндетона используется в оде; распространенными, с несколько отличающейся, однако, степенью активности, во всех жанрах кантемировской поэзии оказываются эллипсис, лексический повтор, риторические вопросы, многочленный период и амплификация.

Как показывает предпринятая уже членами проектного коллектива выборка риторических приемов, отличия между Кантемиром и Ломоносовым отмечаются прежде всего в сфере «тропов речений»: у Ломоносова метафора, олицетворение, метонимия, синекдоха гораздо более активны, что подчеркивает ведущую роль поэтического синтаксиса в создании жанрового стиля и индивидуального слога Кантемира (ср.: [Патроева 2020: 78]). В будущем интересно сопоставить эти данные с более ранними творениями Симеона Полоцкого, Стефана Яворского, Кариона Истомина (см. [Сазонова 2006: 169–179; Морозов 1971]), с используемыми ими как мастерами барокко приемами, а также общими лингвостилистическими устремлениями соответствующей эпохи (см. [Uspenskij, Živov 1983]).

База данных проекта должна включать (см. табл. 2) контекст, демонстрирующий использование того или иного риторического приема и его паспортизацию с точки зрения автора,

Таблица 2. Метафора в поэзии XVIII столетия (фрагмент базы данных)

Автор	Произведение, год создания	Жанр	Метрика	Композиция, строфика	Контекст, выявляющий тропообразование	Тип тропа	Данные словарей русского языка XVIII в.
Феофан Прокопович	«К Петру Второму», 1728 (?)	надпись	силлабический 13-сложник	4-стишие	<i>Бог и Петру Второму вручил стада многа...</i> [Прокопович 1961: 216]	глагольная метафора, узальная; «фигура смысловая», способствующая «услужению речи» [Прокопович 2020: 251–259]; метафора как «троп речений» [Ломоносов 1952: 53; РЛ 2017: 43–59]	«Вручаю <...> 1) Отдаю кого или что кому; вверю чьему попечению, смотрению. <...> 2) Вь руки отдаю...» [Словарь академии Российской 1794] «ВРУЧИТЬ (–ти) <...>. 1. что. Передать из рук в руки, отдать лично кому-л. 2. что. Вверить управление, распоряжение чем-л., поручить. <...> Перен. О духовной пастве» [Словарь русского языка XVIII века 1988]

стихотворного произведения, времени создания (если это установлено), жанровой отнесенности. Помимо этого, должна присутствовать характеристика самого изобразительно-выразительного средства как с точки зрения принятой в современной филологической науке классификационной рубрики, так и в терминах изучаемой эпохи.

Главным итогом проекта должно стать создание корпуса теоретических и эмпирических данных для формирования диахронической риторики русской поэзии XVIII века как нового направления исследований. Осуществление данного проекта позволит, как надеются его авторы, не только продвинуться на пути разработки точных инструментов и методик диахронического описания русской поэтиче-

ской речи, но и внесет значительный вклад в решение практических задач филологического анализа, в их числе – создание словаря риторических фигур русской поэтической речи XVIII века. Значимость настоящего проекта состоит, как представляется, также в том, что его результаты смогут дать богатый материал для дальнейшего исследования становления русского литературного языка в области стихотворчества. Полученные материалы позволят составить более полное представление о тех его основах, на которые могли опираться А. С. Пушкин и другие представители «золотого века» русской поэзии, что обеспечивает интерес к результатам проекта со стороны не только узких специалистов, но и широкой филологической и читательской аудитории.

Литература

- Анушкин, В. И. Русская риторика: исторический аспект / В. И. Анушкин. – М. : Высшая школа, 2003. – 397 с.
- Балашова, Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее / Л. В. Балашова. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 296 с.
- Буранок, О. М. Феофан Прокопович и историко-литературный процесс первой половины XVIII века / О. М. Буранок. – М. : Флинта ; Наука, 2014. – 448 с.
- Бухаркин, П. Е. Риторика и история литературного языка / П. Е. Бухаркин // Мир русского слова. – 2017. – № 1. – С. 47–53.
- Вомперский, В. П. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех штилей / В. П. Вомперский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 209 с.
- Дуров, В. С. Жанр сатиры в римской литературе. – Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1987. – 160 с.
- Живов, В. М. История языка русской письменности : в 2 т. Том II / В. М. Живов. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. – 480 с.
- Кантемир, А. Собрание стихотворений / А. Кантемир. – Л. : Советский писатель, 1956. – 547 с.
- Кнабе Г. С. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. – Москва : РГГУ, 2000. – 240 с.
- Лахманн, Р. Демонтаж красноречия: риторическая традиция и понятие поэтического / Р. Лахманн. – Санкт-Петербург : Академический Проект, 2001. – 368 с.
- Лемешев, К. Н. Наименования фигур предложения в Риторике М. В. Ломоносова / К. Н. Лемешев // Аста linguistica retgorolitana. Труды Института лингвистических исследований. – 2014. – Т. X, ч. 1. – С. 629–663.
- Либуркин, Д. Л. Русская новолатинская поэзия: материалы к истории XVII – первой половины XVIII века. – М. : РГГУ, 2000. – 273 с.
- Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 7: Труды по филологии. 1739–1758 / М. В. Ломоносов ; ред.: В. В. Виноградов [и др.]. – М. ; Л. : АН СССР, 1952. – 993 с.
- Лотман, Ю. М. Динамическая модель семиотической системы // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин : Александра, 1992. – С. 90–101.
- Любжин, А. И. Римская литература в России в XVIII – начале XIX века / А. И. Любжин. – М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2007. – 224 с.
- Маркасова, Е. В. Представления о фигурах речи в русских риториках XVII – начала XVIII века / Е. В. Маркасова. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2002. – 204 с.
- Маслюк, В. П. Латинськi поетикi i риторикi XVII – першiй половини XVIII ст. та їх роль у розвитку теорiї лiтератури на Україні / В. П. Маслюк. – Київ : Наукова думка, 1983. – 236 с.
- Морозов, А. А. Метафора и аллегория у Стефана Яворского / А. А. Морозов // Поэтика и стилистика русской литературы. – Л., 1971. – С. 35–44.
- Николаев, С. И. Литературная культура Петровской эпохи / С. И. Николаев. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. – 151 с.
- Патрoвa, Н. В. Риторическая теория и практика М. В. Ломоносова в зеркале словарей / Н. В. Патрoвa // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2020. – Т. 42, № 3. – С. 78–84.
- Пeкapская, И. В. O существующих типологиях стилистических фигур (аналитический обзор) / И. В. Пeкapская // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – 2017. – № 21. – С. 83–95.

Прокопович, Ф. Об искусстве риторическом десять книг / Ф. Прокопович ; пер. Г. А. Стратановского ; отв. ред. С. И. Николаев ; подгот. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева ; коммент. Е. В. Маркасовой ; науч. ред. пер. Е. В. Введенская. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2020. – 488 с.

Прокопович, Ф. Сочинения / Ф. Прокопович ; под ред. и с предисл. И. П. Еремина ; Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). – М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР. Ленинградское отделение, 1961. – С. 335–455.

Риторика М. В. Ломоносова. Тропы и фигуры / науч. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. – СПб. : Нестор-История, 2017. – С. 9–522.

Сазонова, Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время / Л. И. Сазонова. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 896 с.

Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века : в 4 т. Т. 1: Кантемир, Третьяковский / под ред. Н. В. Патроевой. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2017. – 574 с.

Словарь Академии Российской. Ч. 5. От Р до Т. – СПб. : При Имп. Акад. наук, 1794. – 58 с. – URL: http://etymolog.ruslang.ru/doc/SAR5_P-S.pdf (дата обращения: 27.01.2022). – Текст : электронный.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 4. (Воздух – Выпись) / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; гл. ред.: Ю. С. Сорокин. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. – 256 с. – URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 27.01.2022). – Текст : электронный.

Ушакова, К. М. Терминология русской риторики как учения о речи (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) / К. М. Ушакова. – М. : Моск. гос. ун-т печати, 2010. – 230 с.

Busch, W. *Horaz in Russland* / W. Busch. – München : Eidos, 1964. – 270 p.

Uspenskij, B. A. Zur Spezifik des Barock in Russland. Das Verfahren der Äquivokation in der russischen Poesie des 18. Jahrhunderts / B. A. Uspenskij, V. M. Živov // Slavische Barockliteratur II. Gedenkschrift für Dmitrij Tschizewskij (1894–1977) / Hrsg. R. Lachmann. – München : W. Fink Verlag, 1983. – S. 25–56. – (Forum Slavicum, Bd. 54).

References

Annushkin, V. I. (2003). *Russkaya ritorika: istoricheskii aspekt* [Russian Rhetoric: Historical Aspect]. Moscow, Vysshaya shkola. 397 p.

Balashova, L. V. (2014). *Russkaya metafora: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Russian Metaphor: Past, Present, Future]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 296 p.

Bukharkin, P. E. (2017). Ritorika i istoriya literaturnogo yazyka [Rhetoric and the History of the Literary Language]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 47–53.

Bukharkin, P. E., Volkov, S. S., Matveev, E. M. (Eds.). (2017). *Ritorika M. V. Lomonosova. Tropy i figura* [Rhetoric of M. V. Lomonosov. Paths and Figures]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 9–522.

Buranok, O. M. (2014). *Feofan Prokopovich i istoriko-literaturnyi protsess pervoi poloviny XVIII veka* [Feofan Prokopovich and the Historical and Literary Process of the First Half of the 18th Century]. Moscow, Flinta, Nauka. 448 p.

Busch, W. (1964). *Horaz in Russland*. München, Eidos. 270 p.

Durov, V. S. (1987). *Zhanr satiry v rimskoi literature* [Genre of Satire in Roman Literature]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 160 p.

Kantemir, A. (1956). *Sobranie stikhotvorenii* [Collection of Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 547 p.

Knabe, G. S. (2000). *Russkaya antichnost'. Soderzhanie, rol' i sud'ba antichnogo naslediya v kul'ture Rossii* [Russian Antiquity. The Content, Role and Fate of the Ancient Heritage in the Culture of Russia]. Moscow, RGGU. 240 p.

Lakhmann, R. (2001). *Demontazh krasnorechiya: ritoricheskaya traditsiya i ponyatie poeticheskogo* [Dismantling Eloquence: Rhetorical Tradition and the Concept of the Poetic]. Saint Petersburg, Akademicheskii Proekt. 368 p.

Lemeshev, K. N. (2014). Naimenovaniya figur predlozheniya v Ritorike M. V. Lomonosova [Names of Sentence Figures in the Rhetoric of M. V. Lomonosov]. In *Acta linguistica petropolitana. Trudy Instituta lingvistikheskikh issledovanii*. Vol. 4. Part 1, pp. 629–663.

Liburkin, D. L. (2000). *Russkaya novolatinskaya poeziya: materialy k istorii XVII – pervoi poloviny XVIII veka* [Russian New Latin Poetry: Materials for the History of the 17th – First Half of the 18th Centuries]. Moscow, RGGU. 273 p.

Lomonosov, M. V. (1952). *Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t.* [Complete Works, in 11 vols.]. Vol. 7: Trudy po filologii. 1739–1758 / ed. by V. V. Vinogradov et al. Moscow, Leningrad, AN USSR. 993 p.

Lotman, Yu. M. (1992). *Dinamicheskaya model' semioticheskoi sistemy* [Dynamic Model of a Semiotic System]. In Lotman, Yu. M. *Izbrannyye stat'i: v 3 t. Vol. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury*. Tallin, Aleksandra, pp. 90–101.

Lyubzhin, A. I. (2007). *Rimskaya literatura v Rossii v XVIII – nachale XIX veka* [Roman Literature in Russia in the 18th – Early 19th Centuries]. Moscow, Greko-latinskii kabinet Yu. A. Shichalina. 224 p.

Markasova, E. V. (2002). *Predstavleniya o figurakh rechi v russkikh ritorikakh XVII – nachala XVIII veka* [Ideas about Figures of Speech in Russian Rhetoric of the 17th – Early 18th Century]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrGU. 204 p.

Maslyuk, V. P. (1983). *Latinomovni poetiki i ritoriki XVII – pershoi polovini XVIII st. ta ikh rol' u rozvitku teorii literatury na Ukraini* [Latino Poets and Rhetoricians of the 17th – First Half of the 18th Centuries. That Role in the Development of the Theory of Literature in Ukraine]. Kiev, Naukova dumka. 236 p.

Morozov, A. A. (1971). *Metafora i allegoriya u Stefana Yavorskogo* [Metaphor and Allegory by Stefan Yavorsky]. In *Poetika i stilistika russkoi literatury*. Leningrad, pp. 35–44.

Nikolaev, S. I. (1996). *Literaturnaya kul'tura Petrovskoi epokhi* [Literary Culture of the Petrine Era]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin. 151 p.

Patroeva, N. V. (2020). Ritoricheskaya teoriya i praktika M. V. Lomonosova v zerkale slovarei [Rhetorical Theory and Practice of M. V. Lomonosov in the Mirror of Dictionaries]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 42. No. 3, pp. 78–84.

- Patroeva, N. V. (Ed.). (2017). *Sintaksicheskii slovar' russkoi poezii XVIII veka: v 4 t.* [Syntactic Dictionary of Russian Poetry of the 18th Century, in 4 vols.]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin. 574 p.
- Pekarskaya, I. V. (2017). O sushchestvuyushchikh tipologiyakh stilisticheskikh figur (analiticheskii obzor) [On the Existing Typologies of Stylistic Figures (Analytical Review)]. In *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*. No. 21, pp. 83–95.
- Prokopovich, F. (1961). *Sochineniya* [Works] / ed. by I. P. Eremin. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Leningradskoe otdelenie, pp. 335–455.
- Prokopovich, F. (2020). *Ob iskusstve ritoricheskoy desyat' knig* [Ten Books on Rhetorical Art] / transl. by G. A. Stratanovsky; ed. by S. I. Nikolaeva, E. V. Markasova, E. V. Vvedenskaya. Moscow, Saint Petersburg, Al'yans-Arkheo. 488 p.
- Sazonova, L. I. (2006). *Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremya* [Literary Culture of Russia. Early New Time]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 896 p.
- Slovar' Akademii Rossiiskoi* [Dictionary of the Russian Academy] (1794). Ch. 5. Ot R do T. Saint Petersburg. 58 p. URL: http://etymolog.ruslang.ru/doc/SAR5_P-S.pdf (mode of access: 27.01.2022).
- Sorokin, Yu. S. (Ed.). (1988). *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Issue 4. (Vozdukh – Vypis'). Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie. 256 p. URL: <http://feb-web.ru/feb/slr/slov-abc/> (mode of access: 27.01.2022).
- Ushakova, K. M. (2010) *Terminologiya russkoi ritoriki kak ucheniya o rechi (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [Terminology of Russian Rhetoric as a Doctrine of Speech (the Second Half of the 18th – the First Half of the 19th Century)]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi universitet pechati. 230 p.
- Uspenskij, B. A., Zhivov V. M. (1983). Zur Spezifik des Barock in Russland. Das Verfahren der Äquivokation in der russischen Poesie des 18. Jahrhunderts. In Lachmann, R. (Hrsg.). *Slavische Barockliteratur II. Gedenkschrift für Dmitrij Tschizewskij (1894–1977)*. München, W. Fink Verlag, S. 25–56. (Forum Slavicum, Bd. 54).
- Vompersky, V. P. (1970). *Stilisticheskoe uchenie M. V. Lomonosova i teoriya trekh shtilei* [Stylistic Doctrine of M. V. Lomonosov and the Theory of Three Calms]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 209 p.
- Zhivov, V. M. (2017). *Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti: v 2 t.* [The History of the Language of Russian Writing, in 2 vols]. Vol. II. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. 480 p.

Данные об авторах

Патроева Наталья Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия).

Адрес: 185910, Россия, Республика Карелия, Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

E-mail: nvpatr@list.ru.

Лебедев Александр Александрович – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия).

Адрес: 185910, Россия, Республика Карелия, Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

E-mail: perevodchik88@yandex.ru.

Authors' information

Patroeva Natalia Viktorovna – Doctor of Philology, Professor, Head of Russian Language Department, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

Lebedev Aleksandr Aleksandrovich – Candidate of Philology, Senior Lecturer of Russian Language Department, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

Дата поступления: 28.01.2022; дата публикации: 31.10.2022

Date of receipt: 28.01.2022; date of publication: 31.10.2022